

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

«ДИСТАНЦИЯ» В БОГОСЛОВИИ Ж.-Л. МАРИОНА

Александр Александрович Солонченко

кандидат богословия

старший преподаватель кафедры богословия Московской духовной академии

141300 Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

solonchenko81@yandex.ru

Для цитирования: Солонченко А. А. «Дистанция» в богословии Ж.-Л. Мариона // Богословский вестник. 2022. № 2 (45). С. 85–95. DOI: 10.31802/GB.2022.45.2.005

Аннотация

УДК 27-1

В статье анализируется концепция дистанции в богословском проекте Ж.-Л. Мариона. Автор проводит сравнительный анализ взглядов Мариона с идеями Э. Левинаса и Г. У. фон Бальтазара. В первой части даётся описание идеи бесконечного и понятия «Другой» у Левинаса. Во второй части статьи анализируется концепция дистанции в богословии Бальтазара, выделяются четыре различных уровня употребления этого понятия. В третьей части выявляются основные смыслы, цели и назначения понятия «дистанция» у Мариона, показываются сходства и различия с идеями Левинаса и Бальтазара. Автор приходит к заключению, что у всех трёх мыслителей «дистанция» — это не пространственная категория, указывающая на радикальное отличие, онтологическую инаковость полюсов, между которыми она «пролетает». Помимо тех четырёх уровней, на которых применяет «дистанцию» Бальтазар, Марион использует эту категорию для разработки метода иконического богословия. В этом случае «дистанция» призвана показать несводимость Бога к любым рациональным учениям о Нём. На этом уровне «дистанция» у Мариона исполняет ту же роль, что и «аналогия бытия» у Бальтазара, но, в сравнении с «аналогией бытия», «дистанция» делает больший акцент на несходстве полюсов.

Ключевые слова: Марион, Левинас, Бальтазар, современное богословие, постметафизическое богословие, дистанция, дистанция Бога.

«Distance» in the Theology of J.-L. Marion

Alexander A. Solonchenko

PhD in Theology

Senior Lecturer at the Department of Theology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad, 141300, Russia

solonchenko81@yandex.ru

For citation: Solonchenko, Alexander A. "Distance' in the Theology of J.-L. Marion". *Theological Herald*, no. 2 (45), 2022, pp. 85–95 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2022.45.2.005

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of «distance» in the theological project of J.-L. Marion. The author conducts a comparative analysis of Marion's views with the ideas of E. Levinas and H. U. von Balthasar. The first part gives a description of the idea of the infinite and the concept of «the Other» by Levinas. The second part of the article analyzes the concept of distance in Balthazar's theology, identifies four different levels of use of this concept. The third part of the article reveals the main meanings, goals and purposes of the concept of «distance» in Marion, shows the similarities and differences with the ideas of Levinas and Balthazar. The author comes to the conclusion that for all three thinkers' «distance» is not a spatial category that indicates a radical difference, the ontological otherness of the poles between which it «lies». In addition to the four levels at which Balthazar applies «distance», Marion uses this category to develop the method of iconic theology. Here «distance» is intended to show the irreducibility of God to any rational teachings about Him. At this level, Marion's «distance» plays the same role as Balthazar's «analogy of being», but in comparison with the «analogy of being», «distance» puts more emphasis on the dissimilarity of the poles.

Keywords: Marion, Balthazar, Levinas, modern theology, God, post-metaphysical theology, Distance, distance of God.

Введение

Богословский метод Жан-Люка Мариона сформировался главным образом под влиянием Г. У. фон Бальтазара и Э. Левинаса¹. Дистанция — это центральное понятие богословского проекта Мариона. Сам Марион говорит, что не пишет ни одной строчки, не спрашивая себя, что об этом подумали бы его учителя². Возникают вопросы: какое влияние оказали идеи Левинаса и Бальтазара на формирование марионовского понятия «дистанция»? Какие их идеи он перенимает и развивает?

Идея бесконечного у Э. Левинаса

У Левинаса абсолютная дистанция — это то, что разделяет Тождественное и Иное³, что указывает на непреодолимую непространственную удалённость Другого от Я, на радикальную инаковость Другого. Для выражения этой абсолютной дистанции Левинас чаще всего использует идею бесконечного. Бесконечное для него есть внешнее по отношению к мышлению, то, что выходит за его пределы⁴. При этом само бесконечное бесконечно превосходит идею бесконечного, которая не является представлением бесконечного, но есть «бесконечное осуществление бесконечного», способ его бытия⁵. Итак, идея бесконечного характеризует отношение между Я и Другим, указывает на то, что Другой радикально трансцендентен, находится по ту сторону тотальности (бытия и мышления).

Однако Другой для Левинаса не только Чужестранец, который безмерно удалён от меня, но и мой ближний. Дистанция между мной и Другим одновременно и преодолима, и непреодолима. Единственное отношение, которое позволяет преодолеть эту дистанцию и при этом сохранить её непреодолимой, то есть не посягает на инаковость Другого, не сводит его к тотальности, сохраняет его трансцендентность, — это речь⁶. Но не всякая

1 Подробнее об этом см.: Солонченко А. А. Богословский метод Ж.-Л. Мариона: между Г. У. фон Бальтазаром и Э. Левинасом // БВ. 2022. № 1 (44). С. 76–87.

2 Marion J.-L. *The Rigor of Things: Conversations with Dan Arbib* / transl. by Ch. Gschwandtner. New York (N. Y.), 2017. P. 19. Отвечая на вопрос, кого Марион считает своими учителями, он назвал имена Г. У. фон Бальтазара, Э. Левинаса, Ж. Даниелу и Ж. Бофре, а также отметил, что для него М. Хайдеггер и Ж. Деррида всегда остаются живыми собеседниками.

3 Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. Москва; Санкт-Петербург, 2000. (Книга света). С. 75.

4 Там же. С. 69.

5 Там же. С. 70.

6 Там же. С. 78.

речь позволяет сохранить инаковость Другого, а только речь как говорение или сказывание, суть которого не передача информации, а обращённость, вслушивание и взывание к Другому, тогда как высказанное или сказанное о Другом есть объективирование, опредмечивание Другого, посягательство на его инаковость и трансцендентность⁷. Положительная сторона высказанного: в нём можно обнаружить след сказывания⁸.

«Дистанция» в богословии Г. У. фон Бальтазара

В свою очередь, Бальтазар применяет понятие «дистанция» на четырёх разных уровнях.

Первый уровень — дистанция между Богом и творением. Он пишет: «Основой библейской религии является *diastasis*, дистанция между Богом и творением, то есть элементарная предпосылка, которая позволяет человеку понять и оценить единство, которое приносит благодать»⁹. Эту дистанцию устанавливает Сам Бог, Он же преодолевает её Своею благодатью. Здесь понятие дистанции указывает на сущностное, природное различие между Богом и творением, на свободу, независимость Божественного бытия от творения, также эта дистанция делает возможным подлинное общение творения с Богом.

В другом контексте «дистанция» — это то, что отделяет человека от Бога в результате греха. Дистанция греха не является естественной, возникает по воле человека, отделяет его от Бога, разрывает общение с Ним. Эта дистанция преодолевается искупительным подвигом Христа¹⁰.

Третий уровень — дистанция между Отцом и Сыном, которая появляется в результате принятия Сыном греховной человеческой природы, её крайнее проявление — богооставленность на Кресте, смерть и сошествие в глубины ада. Воскресение Христа преодолевает эту дистанцию.

Четвёртый уровень, на котором Бальтазар применяет понятие дистанции — это внутритроичное бытие. Внутритроичная дистанция — это

7 А. В. Ямпольская объясняет: сказывание (*le Dire*) — это «говорить к ...», коммуникация как вхождение в отношение со слушателем, а высказанное (*le Dit*) — это «говорить о ...», коммуникация как передача информации (*Ямпольская А. Эммануэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011. С. 254.*)

8 Сокулер З. А. Субъективность, язык и Другой: новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса: монография. Москва, 2016. С. 19.

9 *Balthasar H. U., von. Explorations in Theology / transl. B. McNeil. Vol. III: Creator Spirit. San Francisco (Calif.), 1993. P. 173.*

10 *Ibid. P. 175.*

«вечное, святое отстояние Сына от Отца в Духе».¹¹ Эта абсолютная, бесконечная дистанция¹² вечно преодолевается внутритроичной любовью, которая подтверждает онтологическую инаковость Лиц Святой Троицы. Эта дистанция «прототипическая», она обосновывает возможность естественной дистанции (между Богом и миром)¹³, а также делает возможным «дистанцию греха» (обосновывает свободу человека) и преодоление её Сыном¹⁴.

Развитие идей Э. Левинаса и Г. У. фон Бальтазара в богословии Ж.-Л. Мариона

Как уже было сказано, «дистанция» играет центральную роль в богословском проекте Мариона¹⁵. Наиболее полное и завершённое изложение эта тема получила в работе «Идол и дистанция». Разговор о «дистанции» Мариона следует начать с замечания о том, что её, как и левинасовское «бесконечное», и бальтазаровское «бытие», невозможно определить: «дистанция по определению ускользает от определения»¹⁶, её возможно лишь описать. Как у Левинаса и Бальтазара, «дистанция» у Мариона — это не пространственная категория, она указывает на парадоксальное совпадение бесконечной удалённости и бесконечной близости полюсов, между которыми она пролегает¹⁷. «Дистанция» позволяет сохранить радикальное отличие, онтологическую инаковость полюсов, в этом смысле несёт «охранительную» функцию. Она одновременно неустранима и устранима, непроходима и проходима.

Существует дистанция между Богом и Его творением. Она не столько отделяет творение от Бога, сколько оберегает его идентичность¹⁸, это отказ от владения-порабощения, дарование свободы. Марион пи-

11 *Balthasar H. U., von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. IV: The Action / transl. G. Harrison. San Francisco (Calif.), 1994. P. 362.

12 *Ibid.* P. 323.

13 *Balthasar H. U., von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. II: The Dramatis Personae: Man in God / transl. G. Harrison. San Francisco (Calif.), 1990. P. 266.

14 *Balthasar H. U., von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. IV: The Action / transl. G. Harrison. P. 362.

15 Теме дистанции Марион посвятил статьи: *Marion J.-L.* Distance et béatitude: sur le mot *capacitas* chez Saint Augustin // *Résurrection*. 1968. № 29. P. 58–80; *Marion J.-L.* Distance et *louange* // *Résurrection*. 1971. № 38. P. 89–122 и др.

16 *Марион Ж.-Л.* Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной. Париж; Москва, 2009. С. 233.

17 Там же. С. 170.

18 Там же. С. 185.

шет, что эта «дистанция — не трещина отчуждения, а экстатическое место, хранящее нередуцируемую инаковость»¹⁹, она есть проявление Божественной любви и дарование творению способности любить. Эта любовь инициирована Любимым и способна преодолевать непреодолимую дистанцию, соединять любящего и любимого без устранения их инаковости.

Грех как разделение преодолевается Христом, в Котором парадоксальным образом дистанция является человеку одновременно как абсолютно зримая и абсолютно незримая²⁰. Для Мариона всякая дистанция лишь воспроизводит внутритроичную дистанцию и оказывается безмерно «короткой» в сравнении с ней²¹. При этом внутритроичная дистанция — это безмерная дистанция между Отцом и Сыном, проходимая и хранимая Святым Духом²², она «обеспечивает» отстояние Лиц, которое делает возможным Их инаковость и общение. Как видно, Марион использует «дистанцию» на тех же уровнях, что и Бальтазар, и вслед за ним делает внутритроичную дистанцию прототипической и обосновывающей для всех остальных уровней.

Однако Марион использует «дистанцию» и ещё с одной целью: для создания нового, не онтологического метода мышления о Боге. Онтология, как и любое концептуальное мышление о Боге, создаёт понятийных идолов, является идолатрическим. В идолатрическом мышлении Бог подчиняется «человеческим условиям опыта божественного», «божественное с обеих сторон замыкается человеческим», ограничивается, опредметчивается. Такая теология «обеспечивает присутствие Божественного без всякой дистанции», отрицает его инаковость²³. Иконический метод богословия, по мнению Мариона, обеспечивает дистанцию и тем самым сохраняет инаковость Бога. Как икона есть зримое незримого, в котором зримым становится не само незримое, а незримое незримого, так иконическое богословие описывает не Само Божественное, а дистанцию, в которой Бог являет Себя человеку. Говорить о дистанции можно только из самой дистанции, при этом само это говорение должно быть инициировано дистанцией.

Здесь понимание дистанции у Мариона сближается с пониманием благодати. Дистанция — это Благо, в каком-то смысле это даже Сам Бог,

19 Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной. Париж; Москва, 2009. С. 185.

20 Там же. С. 189.

21 Там же. С. 208.

22 Там же. С. 132.

23 Там же. С. 24.

и в то же время Бог не сводится к дистанции. Дистанция предшествует и инициирует любое высказывание о ней, но не вмещается ни в одно высказывание и определение. Это дар, который следует скорее не мыслить, а принимать; дар, который даёт нам самих себя, делает возможным наше существование в различии, оберегает нашу идентичность²⁴.

Концепция дистанции Мариона имеет ещё несколько назначений:

- а) преодолеть хайдеггеровское онтологическое различие, в котором бытие объединяет, является общей сферой для всех сущих (и для Бога, и для человека), а значит, предшествует, превосходит любое сущее (в том числе и Бога)²⁵;
- б) устранить недостатки левинасовской концепции Другого и дерридарского *différance* («различания»), которым, по его мнению, не удалось до конца преодолеть хайдеггеровское онтологическое различие.

Левинас лишь произвёл инверсию онтологического различия, где первенство перешло от бытия к сущему, но Другой (как сущее, хотя и привилегированное) остался в пределах онтологического различия²⁶. Деррида своим *différance* не переворачивает онтологического различия как это делает Левинас, но пытается отодвинуть его на обочину²⁷, локализовать. Но в дерридарской концепции Богу не остаётся места вообще или отводится роль «Бога» с частицей «не», с отрицательным знаком. Таким образом, концепция Левинаса страдает остаточной идолатрией, а концепция Деррида — негативной идолатрией²⁸. С помощью «дистанции» Мариону, по его мнению, удаётся избежать этих недостатков в силу того, что она не пытается перевернуть или выйти за рамки онтологического различия (оба варианта ставят в зависимость от неё), но «пребывает в нём, как бы не пребывая»²⁹. Это становится возможным в «четвёртом измерении»: первое измерение мыслит онтологическое различие в его «широте» (бытие/сущее), второе — мыслит его преодоление по «высоте» (Другой), третье — по «долготе» (различание),

24 Марион Ж.-Л. Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной. Париж; Москва, 2009. С. 185.

25 М. Хайдеггер пишет: «Бытие шире, чем всё сущее, и всё равно оно ближе человеку, чем любое сущее, будь то скала, зверь, художественное произведение, машина, будь то ангел или Бог» (*Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. Москва, 1993. С. 202*).

26 Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. С. 253–254.

27 Там же. С. 260.

28 Там же. С. 266–267.

29 Там же. С. 267.

а четвёртое, марионовское, — по «глубине». Четвёртое измерение — это измерение глубины, в котором нужно мыслить в соответствии с непространственной инстанцией — инстанцией любви. Измерение глубины, где дистанция практически отождествляется с любовью даёт возможность осмыслить онтологическое различие как икону дистанции, икону любви, а значит, и само бытие как икону дистанции/любви. И здесь Марион вновь вплотную сближается с Бальтазаром, для которого тварное бытие аналогично (на языке Мариона — иконично) Божественному бытию, которое есть Любовь.

После выявления ещё одного понимания «дистанции» — сближения с любовью — многие высказывания Мариона становятся более понятны и обретают новое звучание. Так, например, фраза: «Дистанция соединяет Его с Отцом, но и отличает от Него, как Сына»³⁰, может быть прочитана так: «*Любовь* соединяет Его с Отцом, но и отличает от Него, как Сына». Другая фраза: «Пройти дистанцию означает не упразднить её, а удостоверить её предшествование и несоизмеримость»³¹ — обретает иную глубину, если прочесть её так: «*Войти в любовь* означает не упразднить её, а удостоверить её предшествование и несоизмеримость». Прочтение фразы: «Дистанция определяет(ся) Троицу(ей)»³² — как «*любовь* определяет(ся) Троицу(ей)» вновь показывает близость Мариона с Бальтазаром, для которого внутритроичная любовь исходит из Божественных Личностей, но и Личности существуют, «становятся»/«являются» Собой только в любви³³.

Не будет ошибкой сказать, что в разработке иконического метода богословствования «дистанция» выполняет у Мариона ту же роль, что «аналогия бытия» в теологии Бальтазара. Помимо функционального, они имеют и некоторые содержательные сходства. Марион вводит «дистанцию» в своё богословие с той же целью, что и Бальтазар — «аналогию бытия», а именно: чтобы избежать уникальности языка о Боге и творении³⁴. Аналогический метод, как неоднократно подчёркивает Г. У. фон Бальтазар, предусматривает наличие двух полюсов, которые не могут быть объединены чем-то большим, какой-либо третьей областью. Об этом же неоднократно говорит Марион: дистанция

30 Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. С. 134.

31 Там же. С. 195.

32 Там же. С. 207.

33 Подробнее о тринитарной концепции Бальтазара см.: Солонченко А. А. Тринитарные концепции Г. У. фон Бальтазара и Д. Харта: сходства и различия // БВ. 2021. № 1 (40). С. 75–93.

34 Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. С. 21.

не объединяет два полюса, между которыми она пролегает, а разделяет их, указывает на их радикальное отличие, трансцендентность. Но в то же время дистанция как разделение может быть преодолена, это преодоление дистанции асимметрично, всегда инициируется Богом. При этом преодоление дистанции не есть смешение, устранение инаковости, преодоление дистанции есть подтверждение как самой дистанции, так и инаковости её полюсов. Если у Левинаса дистанция между мной и Другим преодолевается только сказыванием, то у Мариона — хвалебным дискурсом (который имеет немало общего с левинасовским сказыванием), а также Евхаристией³⁵.

«Аналогия бытия» у Бальтазара указывает и на сходство, и на ещё большее несходство Божественной и тварной сферы, включает в себя и положительный, и отрицательный аспект. «Дистанция» у Мариона, в сравнении с «аналогией бытия», делает акцент именно на несходстве этих сфер, на отрицательном аспекте. Однако «дистанция» не становится призывом к молчанию, ибо она оставляет место для хвалебного дискурса и высказываний, основанных на логиях (речениях, основанных на Писании), которые в какой-то мере возмещают недостающий положительный аспект «дистанции».

Возникает вопрос: если иконическое богословие Мариона имеет немало сходств с аналогическим богословием Бальтазара, то почему Марион просто не использует «аналогию бытия», а разрабатывает концепцию «дистанции» и использует в ней метафоры, близкие к левинасовским «бесконечное» и «ближний»? В том контексте, в котором работает Марион (а он ведёт диалог не только с Хайдеггером, но и с Левинасом, и с Деррида), понятие «бытие» имеет свой философский бэкграунд, «репутацию», поэтому он не пытается обелить, очистить «бытие» от этого бэкграунда, как это делает Бальтазар и его последователи, а выбирает другую стратегию — обновить богословский тезаурус, говорить с оппонентами на языке, более приемлемом для них, чем язык онтологии.

Очевидно, что термин «дистанция» тоже не лишён недостатков. Главный из них — пространственные коннотации, из-за которых может показаться, что Бог где-то далеко от мира, «на абсолютном расстоянии», мир лишён Божественного присутствия. Похоже, именно так поняли Мариона некоторые его критики. Так, возражая Мариону, Давыдов пишет: «Бог бесконечно удалён от вещей не по месту, а по природе. Отсутствующий в ряде

35 Для Мариона Евхаристия есть «прохождение дистанции». См.: *Марион Ж.-Л. Идол и дистанция*. С. 153.

сущего трансцендентный Бог Мариона — это не Бог, свободно открывающийся в тварных различиях, а изошрённый идол, дистанция отсутствия, не допускающая игры причастности»³⁶. Давыдов здесь повторяет и радикализирует мысль Д. Харта о том, что дистанция у Мариона может быть понята как пространственное расстояние³⁷. Однако сам Марион неоднократно повторяет, что его «дистанция» — это «непротяжённое, непространственное пространство», которое следует мыслить «не по типу чувственного пространства»³⁸. Также Марион прямо опровергает и утверждение, что его «дистанция» не допускает «игры причастности». Он пишет: «Прохождение дистанции измеряется единственно мерой принятия, на которую способен или не способен каждый, кто причащается. Если дистанция раздаёт немислимое без меры, то мера неприсущей причастности определяется каждым причащающимся»³⁹. То есть Марион прямо говорит о том, что а) дистанция проходимая, б) мера прохождения дистанции определяется человеком, тогда как Бог даёт человеку возможность прохождения дистанции «без меры». Словоупотребление «неприсущая причастность» указывает на такую причастность, которая не лишает причащающегося его инаковости, не делает его тождественным Тому, Кому он причащается.

Заключение

Итак, «дистанция» Мариона имеет сходство с «бесконечным» Левинаса и «дистанцией» Бальтазара: у всех троих это не пространственная категория, которая указывает на радикальное отличие, онтологическую инаковость полюсов, между которыми она «пролегает». Помимо тех четырёх уровней, на которых применяет «дистанцию» Бальтазар, Марион использует эту категорию для разработки метода иконического богословия. Здесь «дистанция» призвана показать несводимость Бога к любым рациональным учениям о Нём. На этом уровне «дистанция» у Мариона исполняет ту же роль, что и «аналогия бытия» у Бальтазара, но, в сравнении с «аналогией бытия», «дистанция» делает больший акцент на несходстве полюсов.

Марион печётся об охране дистанции с таким же рвением, что и Бальтазар — об охране бытия, а Левинас — бесконечно. В этом

36 Давыдов О. Откровение Любви. Тринитарная истина бытия. Москва, 2020. С. 27.

37 Харт Д. Красота бесконечного: Эстетика христианской истины. Москва, 2010. С. 360–361.

38 Марион Ж.-Л. Идол и дистанция. С. 281, 282.

39 Там же. С. 190.

смысле можно сказать, что Марион — «пастух дистанции», Левинас — «пастух бесконечного», а Бальтазар (как и Хайдеггер) — «пастух/пастырь бытия». Представляется перспективным дальнейший анализ соотношения влияния Бальтазара и Левинаса на Мариона по таким вопросам, как метод феноменологии, понимание интерсубъективности, любви, свободы, смерти и др.

Источники

- Левинас Э.* Избранное. Тотальность и Бесконечное. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. (Книга света).
- Марион Ж.-Л.* Идол и дистанция / пер. с фр. Г. Вдовиной. Париж; Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009 (Символ; № 56).
- Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. Москва: Республика, 1993. С. 192–220.
- Balthasar H. U., von.* Explorations in Theology: in 4 vols. / transl. B. McNeil. Vol. III: Creator Spirit, San Francisco (Calif.): Ignatius Press, 1993.
- Balthasar H. U. von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. II: The Dramatis Personae: Man in God / transl. G. Harrison. San Francisco (Calif.): Ignatius Press, 1990.
- Balthasar H. U. von.* Theodrama: Theological Dramatic Theory. Vol. IV: The Action / transl. G. Harrison. San Francisco (Calif.): Ignatius Press, 1994.
- Marion J.-L.* Distance et béatitude: sur le mot *capacitas* chez Saint Augustin // *Résurrection*. 1968. № 29. P. 58–80.
- Marion J.-L.* Distance et louange // *Résurrection*. 1971. № 38. P. 89–122.
- Marion J.-L.* The Rigor of Things: Conversations with Dan Arbib / transl. by C. Gschwandtner. New York (N. Y.): Fordham University, 2017.

Литература

- Давыдов О.* Откровение Любви. Тринитарная истина бытия. Москва: ББИ, 2020.
- Сокулер З. А.* Субъективность, язык и Другой: новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса: монография. Москва: Университетская книга, 2016.
- Солонченко А. А.* Тринитарные концепции Г. У. фон Бальтазара и Д. Харта: сходства и различия // *БВ*. 2021. № 1 (40). С. 75–93.
- Солонченко А. А.* Богословский метод Ж.-Л. Мариона: между Г. У. фон Бальтазаром и Э. Левинасом // *БВ*. 2022. № 1 (44). С. 76–87.
- Харт Д.* Красота бесконечного: Эстетика христианской истины. Москва: ББИ, 2010. (Серия «Современное богословие»).
- Ямпольская А.* Эммануэль Левинас. Философия и биография. Киев: Дух і літера, 2011.